

Автандил Хазари

ЭКЗИСТЕНЦИИ

Автандил Хазари Экзистенции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923088

ISBN 9785005001382

Аннотация

Только в бездне, где кончается дорога и не видно моста, вы увидите, за чем шли. А я – лишь стража: я стою на границе всякого существования и жду, когда вы придёте ко мне, подберётесь к своему пределу и наконец-то поднимете веки.

Содержание

ЛИМБУС	5
РУИНА	19
ГИПАТИЯ	25
СОДОМ	28
ЗОЛОТОЙ ВЕК	32
СПИРАЛЬ	39
ХАОСМОС	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Экзистенции

Автандил Хазари

© Автандил Хазари, 2019

ISBN 978-5-0050-0138-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Экзистенция – это, что никогда не может быть объектом, то есть это нечто такое, что я никогда не могу ухватить в виде предмета. Когда мы говорим о человеке так, что пытаемся в нём пояснить ту его сторону, в которой он никогда не есть то, что он есть, – значит, мы говорим об экзистенции. Есть вещи, которым даётся только отрицательное определение; экзистенция есть одна из этих вещей. То в нас, что мы никогда не можем сделать объектом, то в нас, что скорее не является объектом (который мы перед собой поставили бы и называли бы его словами), а скорее является выражением нас самих в нашем существовании, – это нечто и есть экзистенция.

Мераб Мамардашвили

ЛИМБУС

Белый потолок перестал быть естественной границей досягаемости взгляда, и за ним открылось то, на что только и стоит смотреть. Я смотрел и слушал.

Тишина в городе непривычна и пугающа: одолевает тревога, что все его жители спешно оторвались от своих дел и покинули обжитые места, забыв предупредить тебя о глобальной, но пока не осязаемой опасности. Однако тревога быст-

ро превращается в досаду от мысли, что такой поворот событий был бы на самом деле желаемым, а потому, разумеется, невозможным. Они наверняка все здесь, эти суетящиеся Другие, просто взяли временную передышку, копя силы для очередного бурного дня. Я решил воспользоваться преимуществами ночного бдения и вышел из дома.

Воздух густ и ароматен, и я трогаю его рукой, обмениваясь рукопожатием с порывом ветра, а потом консервирую в сжатой ладони. Скамья возле дома приглашает присесть, но я решился на ночной вояж не ради очередной победы статички над телом, и скамья остаётся позади, словно поверженный агент мировой инерции. Наверное, кто-то считает, что у движения должна быть цель, но я отказываюсь рассматривать цель движения как нечто внешнее самому движению как процессу, и сливаю их воедино. Слипшиися противоположности – продукты деятельности моей примиряющей натуры, ведь мосты сводит и разводит обычно один и тот же человек. Но сейчас рядом со мною только воплощённое отсутствие, и оно явно приятнее присутствия, давящего безусловностью овеществлённой предметности.

При этом я почему-то не угадывал местность: неизвестные элементы пейзажа свидетельствовали о том, что я попал в незнакомые места. Тем лучше, ведь новые впечатления рожают нового меня. Серый цвет уступал место красному, но всё было настолько разбавлено чернотой неба, что тусклость воплощённого в окружающем пейзаже мольберта на-

поминала Вавилонскую башню от живописи, когда бог в наказание за пренебрежение к индивидуальности смешал городским рисовальщикам краски. Утром яркость и контрастность цветов вернутся, но сейчас я напоминал героя какого-нибудь фильма, виденного мною в детстве на поломанном чёрно-белом телевизоре: я не всегда мог различить его действия и окружающую обстановку, и мне казалось, что и сам герой мучается от того, что вынужден действовать едва ли не на ощупь. Чтобы избавиться от гнетущего ощущения движения в лабиринте без спасительной нити, я выставил вперёд руки, обрекая их на необходимость встретить невидимую опасность прежде, чем она станет достоянием моего сознания. Итак, я попал в абсолютную темноту, плотность которой незаметно и неожиданно достигла максимума.

– Как такое может быть в современном городе? – Спрашивал я себя вслух, удивляясь попаданию в эту загадочную лауну. – Откуда взялся этот перерыв непрерывности, чёрная дыра в урбанистическом микрокосмосе, анклав Ничто в бессмысленной континуальности Нечто?

И стоило мне подумать, что чаемое отсутствие осуществилось, достигнув логического экстремума, как обувь начали грызть чьи-то маленькие зубы. В ужасе я стал прыгать на месте, не столько чтобы защитить ботинки, сколько протестуя против вторжения в мою безмятежность чего-то неизвестного и, судя по всему, недружелюбного.

– Тихо, тихо! – Недовольно пробурчал сдавленный голос

откуда-то снизу. – Ты можешь наступить на меня.

– А почему я должен считать это нежелательным? – Спросил я, прекращая, тем не менее, свои прыжки. – Кто ты?

– Я крот, самое трагичное в мире животное: только я могу зреть в корень, однако, к сожалению, совершенно незряч. Ты удивлялся темноте и пустоте, а это значит, ты на мгновение стал мною, и теперь знаешь, что надо сделать, чтобы ощутить их в полной мере – надо пробраться в моё царство, ведь земля – это максимальное сгущение тьмы и пустоты.

– Мне неудобно в твоём царстве. Как мне отсюда выбраться?

– Вечно одно и то же: сначала вы сюда стремитесь, а потом не знаете, как выбраться! – Бурчал крот. – Иди за мной.

– Я тебя не вижу.

Где-то внизу появился небольшой источник света, и я увидел, что в лапе крота, одетого в старомодный костюм, находится канделябр с тремя зажжёнными свечами. Мы двинулись вперёд. Свет разгорался всё ярче, и вскоре я уже мог различить происходящее вокруг. Мы шли по узкому проходу между двухэтажными домиками, пока не вышли на свободное пространство. Свет от канделябра словно стал частью среды, потеряв чёткую пространственную локализацию; крот при этом незаметно исчез. Этому я не особо расстроился, хотя вынужденно отметил, что он весьма своеобразно выполнил обязанности гида: вместо того, чтоб вывести меня в знакомое место (впрочем, откуда крот мог знать,

какое место мне знакомо, а какое нет?), он привёл меня на небольшую площадь, которую я видел первый раз. Домики, обступаяющие площадь, намекали на присутствие людей.

Вдруг дверь одного из домиков со стуком распахнулась, и из тёмного проёма выбежал маленький человечек с заросшим шерстью лицом и висящими длинными ушами. В руках у него была плеть, которой он с отвратительным щелчком стегнул меня по лицу, стоило только последнему оказаться в пределах её досягаемости. От неожиданности я повалился на поросшую мягкой травой землю, а человечек запрыгнул мне на грудь и сжал голову ручками с длинными и острыми когтями.

– Что нюхал ты в последний раз? – Завизжал он.

Несмотря на полуобморочное состояние, я постарался припомнить, но ничего конкретного на ум не приходило.

– Не помню, не знаю... – лепетал я, – ничего особенного...

– Ничего особенного? Зачем тогда тебе нос? – Прокричал он, не помня себя от ярости, и, просунув пальцы мне в ноздри, начал их разрывать.

Непереносимая боль заполнила собою сознание, не оставляя места даже для удивления, и я почувствовал, как по лицу начинают течь потоки бурной, как в половодье, крови. Я извивался под тяжестью тела мохнатоголового, но сбросить его с себя никак не удавалось. Когда ноздри были совершенно разорваны, а лицо превратилось в один сплошной очаг боли, человечек слез с меня, засунул руку мне в рот и потащил ку-

да-то, держа за верхнюю челюсть.

Следующее, что я почувствовал, был удар головой обо что-то деревянное, видимо, порог дома, о чём я догадался, когда увидел вокруг себя стены какой-то комнаты. Человек, наконец, вынул руку из моего рта. Я пытался приподнять голову и осмотреться, но нога в кованом сапоге придавила затылок к полу.

– Не воротятся с миром те, кто ушёл по велению души! – Забасил голос сверху. – И да не будет место их пребывания юдолью неги и покоя!

Две невидимые руки подхватили меня под плечи и усадили в кресло, напротив которого, точно в таком же кресле, сидел человек с совершенно круглой головой. Больше никого в комнате не было, да и сама она была абсолютно пустой. Кровь залила мне одежду и продолжала медленно стекать по лицу.

– Ты обвиняешься в неповиновении данности, – объявил мне круглоголовый после некоторой паузы, – и теперь пришла пора зачитать твой приговор.

– Разве у меня не будет возможности сказать что-нибудь в своё оправдание? – Спросил я, опасаясь, что результатом этого неожиданного суда станут новые издевательства.

– Говори! – Милостиво позволил судья.

– Разве есть что-то странное в том, что когда паутина начинает оплетать твой дом, ты пытаешься убить паука?

– А разве есть что-то странное в том, что паук при этом

пытается отравить тебя своим ядом, видя, как ты разрушаешь его многодневный труд? – Парировал человек в кресле.

– Но этой мой дом, а паук в нём – незванный гость.

– Некоторые гости приходят без приглашений, потому что видят в чужом доме свободный уголок. Не надо было оставлять этот уголок свободным, но ты сделал это, и теперь у тебя нет дома.

– Поначалу мне казалось, что мы сможем с ним ужиться... – почти промямлил я, готовый признать разумность доводов судьбы.

– Вы все стремитесь уживаться вместо того чтобы жить. Жить можно вместе или порознь, а уживаться – это отвратительный компромисс. – Круглоголовый начал сердиться. – Знаешь, что никогда не сможет ужиться друг с другом? Круглое и квадратное.

После этих слов голова судьбы стала превращаться из шара в куб. Выглядел он омерзительно. Не в силах смотреть на него, я попытался закрыть глаза, но неожиданно нечеловеческая боль пронзила их: два неизвестно откуда взявшихся ржавых гвоздя вонзились в меня, прибив веки и не давая им закрыться. Я закричал от боли, удивляясь, что не умираю и даже не теряю сознание.

– Мы всегда разговариваем с человеком на его языке, – сказал судья, не без удовольствия глядя на мои попытки осторожно вытащить гвозди из глаз. Из-за моей спины, чинно вышагивая, появилось существо, отдалённо похожее

на цаплю, но с гноящимися язвами и швами на лишённом перьев теле и принялось клевать меня, каждый раз выдирая длинным клювом маленькие кусочки и проглатывая их с громким клёкотом.

Судья промолвил:

– Ну что, ты и на этот раз будешь спокойно смотреть, как кто-то претендует на часть тебя?

Я воспринял эти слова как призыв к действию и схватил цаплю за клюв, пытаюсь сжать две её половинки. Впрочем, потом я переменял тактику, и начал, наоборот, раздирать пасть этому мерзкому существу. Та оказалась мягкой и податливой, и вскоре в моих руках оказались две половины этой непонятной птицы. Брезгливо отбросив их в сторону, я закричал, что больше не могу выносить всего этого, и потребовал срочно выпустить меня отсюда.

Судья добродушно рассмеялся:

– Срочность существует лишь там, где есть время. А здесь все отрезки превращаются в прямые.

Одна из рук судьи стала увеличиваться в длине, а тот начал обрубать её ладонью другой руки, принявшей очертания топора. Потом он собрал с пола все получившиеся куски и попытался вручить их мне со словами:

– Отрезки – это ваш, человеческий удел.

Я вскочил и побежал к двери. Как ни странно, она легко распахнулась под напором моего плеча, и я очутился на той самой площади, на которой на меня напал мохнатоголовый.

Опасаясь преследования, я ринулся через площадь к единственному домику, в котором горело окно. Но добраться до него оказалось не так-то просто, потому что, как я ни увеличивал скорость, домик не становился ближе, хотя расстояние от дома, в котором меня судили, возрастало. Выдохшись, я остановился, чтобы подумать, но стоило мне встать, опираясь руками на колени, как на затылок с глухим стуком опустилось что-то тяжёлое. Удар был не сильным, но неожиданным, ибо я не видел и не слышал чьего бы то ни было приближения. Однако когда я, лёжа на земле, оглянулся назад, то оказалось, что там стоит неизвестно откуда взявшийся стол, рядом с которым огромный богомол в белом врачебном халате вдевал нитку в довольно крупную иглу. Я начал лихорадочно отползать в сторону, но богомол в пару прыжков настигнул меня, взял за ворот и потащил к столу. Я упирался, как мог, но силы были неравны, и уже через пару секунд я лежал на столе под пристальным взглядом отвратительных глаз богомола. Он оглядывал меня с ног до головы и шевелил усиками. Я ждал, что он пустит в ход свою иглу, и оказался прав: первое, что сделал этот странный врачеватель, – пришил мои ладони к бёдрам. Сдерживать себя было невозможно, и я кричал от невыразимых страданий, понимая при этом, что серьёзных увечий, как и в случае с гвоздями в глазах, мне это не принесёт, и все раны рано или поздно затянутся.

Когда руки были плотно пришиты к ногам, богомол

предусмотрительно зашил мне рот, после чего достал из кармана халата жутко смердящий коровий хвост, съел его и отложил иглу в сторону. Следующим, что было извлечено из кармана, оказалась пила, которой богомол разрезал мне живот, залез в него конечностью и принялся отрывать мои органы, выбрасывая их через плечо. Наверное, никакой человек на свете не может выдержать таких мучений, но в этом странном месте возможным было всё. Когда эта пытка закончилась, я почувствовал необъяснимую лёгкость и пустоту: видимо, ничего внутри меня больше не осталось. Затем в дело снова пошла игла, и уже очень скоро об этом кошмаре не напоминало ничего, кроме ноющей боли во всём теле. Богомол в последний раз пошевелил усиками и быстрыми прыжками стал удаляться.

Не без некоторых усилий мне удалось оторвать руки от бёдер, а затем разорвать нить, сшивающую губы. Полежав ещё какое-то время на столе, приходя в себя, я встал и побрёл по направлению к домику, в котором горел свет. На этот раз домик приближался, как и было положено, что дало мне основания надеяться на благополучный исход моего вояжа. Впрочем, никто не мог дать гарантию, что внутри меня ждало что-то хорошее, ибо вера в то, что там живут нормальные люди, способные избавить меня от этого кошмара, почти умерла.

Когда до двери оставалось всего лишь несколько десятков метров, в траве вокруг меня что-то зашуршало и всё пришло

в движение, словно под моими ногами был живой ковер. Я ускорил шаг, но мои ноги тонули в чём-то очень мягком, увязая и скользя. Вскоре отгадка этой тайны явила себя, вызвав новый приступ отвращения: по моим штанинам карабкались крупные белые черви, стараясь приступом взять меня, будто средневековый замок. Я начал трясти ногами, глядя при этом на домик, по которому поднималась копошащаяся масса, закрывая собою дверь и окна. Я хотел преодолеть расстояние до домика несколькими крупными прыжками, но поскользнулся и упал, чувствуя руками и телом раздавленную живую массу. Меня вытошнило, но я встал и пошёл дальше, отчаянно молотя по одежде в напрасных попытках сбросить с себя наглых тварей. Наконец я достиг дома, но стоило мне замахнуться для удара по двери, как та отворилась, и в освещённом проёме возник крот с канделябром в руке.

– Наш долгожданный друг, – сказал он кому-то через плечо и с любопытством принялся снимать с моей одежды червяков, отправляя их себе в рот. – Проходи.

Протиснувшись сквозь узкую щель, я стал озираться по сторонам. Ничего необычного в интерьере дома не было: уютные на вид кресла и диванчики, вдоль стен – шкафы и полки с какими-то свитками, с тёплым треском горел камин, а на окнах и дверных проёмах висели голубые занавески. Примечательной деталью интерьера был огромный вычурный письменный стол, за которым сидел человек и что-то писал. Увидев его, я невольно отшатнулся назад: на ху-

дом теле располагались две головы – голова старца и голова ребёнка, при этом глаза ребёнка были закрыты; видимо, он спал. Человек оторвался от своего писания и улыбнулся мне необычайно доброй и успокаивающей улыбкой, что вернуло мне благостное расположение духа. Не дожидаясь приглашения сесть, я опустился в одно из кресел, с благодарностью принимая от крота чашу с густым красным вином. На секунду я подумал, что будет с вином внутри меня, ведь органов не осталось, но никаких специфических ощущений, кроме разливающегося по телу тепла, я не почувствовал.

Старец решил прервать идиллическое молчание:

– Путь – это, прежде всего, метаморфоза идущего.

Вдруг из-под стола вышел крупный белый кот, видимо, лежавший до этого на коленях старца. Дойдя до середины комнаты, он ошетинился и начал изгибаться, а из его пасти показалась голова змеи. Стоило только змее вылезти из кота, она набросилась на него и стала заглатывать несчастное животное, но чуть только кот полностью оказался в брюхе змеи, из-за чего та непомерно раздулась, как змеиную кожу пропорол кошачий коготь, и кот вылез наружу, схватив змею в зубы и проглотив её одним судорожным усилием. Я с нетерпением произнёс:

– Может, вы оставите в стороне свои фокусы и объясните мне, где я и что со мной происходит?

– Думаю, это мне по силам, – благодушию старца не было пределов. – Ты получил больше, чем смел надеяться: стре-

мясь к свету, ты достиг подлинного мрака. И теперь пребудешь в нём вечно.

– Ваш дом – это граница?

– Для человека, разводящего и сводящего мосты, это слишком наивный вопрос, – многозначительно улыбнулся старец, и я понял, что ждали действительно меня.

– Почему именно я?

– Потому что ты лучше других знаешь, что за каждой ступенью обязательно следует другая, и что за естественной границей досягаемости взгляда начинается то, на что стоит смотреть.

– В чём будет заключаться мой труд?

Старец приподнял свиток, над которым трудился, и торжественно произнёс:

– Ты будешь учиться писать!

И тогда мне всё стало ясно. Я встал и пошёл в соседнюю комнату, которая по своему убранству походила на комнату старца. На столе уже лежал пустой свиток, и мне не оставалось ничего, кроме как сесть за стол и начать писать слова, которые, как мне казалось, я знал всегда, но почему-то позабыл в суете дней.

«Голос страха и боли слышу из ваших уст: вопиёте вы от неправедных дел и взыскуете справедливого суда. Но кто родитель ваш, как не страх и боль? Кто дарует вам вас самих, как не страдание? Что есть существование ваше, как не суд, справедливо воздающий вам мерой за меру низости вашей

и открывающий вам подлинные высоты ваши?

А я – лишь стража: я стою на границе всякого существования и жду, когда вы придёте ко мне, подберётесь к своему пределу и наконец-то поднимете веки. Не все переживут миг открытия подлинности, но не бойтесь высокой цены. Здесь, у предела, в точке безусловности, вы можете получить нечто большее, чем бессмысленное продолжение себя во времени. Например, свободу, или твёрдое основание, или импульс, или покой, или полноту себя. Только в бездне, где кончается дорога и не видно моста, вы увидите, за чем всё это время шли.

А я буду неподалёку. Я уже нашёл свой предел, и теперь моя работа – помочь другим увидеть мгновения, когда случайное уступает место закономерному, условное – безусловному, относительное – абсолютному, а существование – бытию. Для этого я пишу эту книгу. Книгу экзистенций».

РУИНА

Многие годы я странствовал, мерил землю шагами и ободом колеса, и вот вернулся в деревню, с которой связаны поныне тревожащие воспоминания. Что привело меня сюда? Нет, не дела; может, неудовлетворённость прошлым? Смущение неудачей? Жажда всё-таки найти выход из лабиринта деревенских улиц, поглотивших меня тогда? Из паутины отношений, трясины привязанностей, зыбучего песка нерешительности, могучих стен навязанных правил и условностей...

Но место назначения было тогда на виду, оно исчезало из поля зрения только в самые тёмные ночные часы, когда

любой шаг труден. Теперь же нет её, маячившей на вершине громады, до которой я, узнавший многое о путях и дорогах, надеялся дойти без труда. Лишь руина, лишь развалина видна вдалеке. Туда ли я попал, не ошибся ли? Местные жители, смутно угадываемые, говорят, что туда. И они теперь не мешают мне, не заманивают в сети вопросами о целях, не спешат советовать и советоваться и, как кажется, больше ничего не боятся. Не боюсь и я.

Поэтому смело иду вверх по дороге, ведущей к руине. Куча разбросанных по земле камней, огромная, как то, что из них было сложено. Каждый камень намекает на свою значительность, на тяжесть и впитавшуюся в него историю. Но камни безгласны и уже не могут стоять друг на друге, привыкнув к отдельности. С горы деревня выглядит сиротливо и робко, ничто не прикрывает её от палящего солнца, ничто не опутывает липкими нитями заботы.

Спускаюсь вниз, иду на постоянный двор, прошу налить ликёр.

– Меня зовут Карл, я в ваших землях проездом, хотя в былые времена пробыл довольно долго, – говорю знакомому хозяину, но он меня не узнаёт, словно никогда не слышал моё имя дальше первой буквы.

– Это только ваше дело, господин, – отвечает он.

– Что у вас случилось? – спрашиваю я, махнув головой куда-то вверх. – Землетрясение?

– Нет, мы просто разрушили его. Чиновники слишком

много требовали от нас, но жизнь каждого казалась нам богаче того, что предписывал закон, мелочный и единый для всех. А изменить его было решительно невозможно, служители и слышать о реформах не хотели. И однажды мы решили неподчиниться, разрушив то, что и давало право издавать закон. Ведь без этих стен они просто важничающие господа с портфелями, сидящие за теми же столиками, что и остальные.

– Что же стало с ними теперь?

– Кто уехал, кто вышел на пенсию или умер, а некоторые продолжают каждое утро выходить из дома с портфелями в руках, пытаясь убедить нас, что решительно ничего не случилось, и ни один закон не потерял своей силы. Некоторые им верят.

– Законы и раньше были не так чтоб очень сильны, – заметил я. – Помню, в свой прошлый визит я хотел получить разрешение на проживание, но так и не смог добраться до канцелярии. Пробыл у вас довольно долго, и всё без разрешения.

– И что же, удалось вам благополучно устроиться и закрепиться у нас?

– Нет.

– Вот видите, – сказал официант, а я вспомнил то странное чувство собственной чуждости, что преследовало меня тогда. Одиночество, приходящее раньше, чем звучит последнее слово беседы, раньше, чем уйду я или уходят от меня.

Неужели это всё из-за почтения жителей к спускаемым сверху порядкам?

Я расплатился и вышел. Что же мне делать дальше? В прошлый раз у меня хотя бы была цель. Вдруг из проулка послышались гомон и крики, и навстречу высыпала шумная толпа. Не успел я разобраться в причине возбуждения, как двое мужчин схватили меня за руки.

– Вот он! – Вскрикнул один из них. – С утра здесь бродит, вынюхивает что-то, даже на гору поднимался. Наверняка это он сделал.

– Отвечай, кто ты и зачем приехал к нам? – Лица в толпе стали ожесточёнными.

– Меня зовут Карл, я приехал, чтобы... – заминка, которая может стоить мне дорого. – Чтобы взглянуть на места, которые...

– Да врёт он! – Перебили меня. – Разве здесь теперь есть, на что смотреть? Отвечай, зачем ты это сделал?

– Что сделал?

Никто не удостоил меня ответом, видимо, полагая, что преступник лучше других знает о своём преступлении.

– Надо вести его к старосте, – поступило предложение.

Через несколько минут я, ведомый теми же руками, оказался на пороге старого, но крепкого дома. Его хозяин, седой и согбенный, посмотрел на меня с чуть заметной тенью триумфа. Вставать из глубокого кресла он не стал.

– А, вернулись...

– Вы меня помните? – Надежда на благополучный исход дела затеплилась во мне.

– Я ещё тогда подозревал вас и призывал всех держать с вами ухо остро. А теперь вижу, что был прав.

– Но я приехал, чтобы просто... И уж теперь-то, когда на вершине горы руина, я надеялся, что ничто не помешает...

– Детский лепет, – нетерпеливо прервал меня староста. – Для нас ничего не изменилось. Теперь мы все, сознательные жители, – замок на вратах беззакония. А ты, видно, примкнул к несознательным.

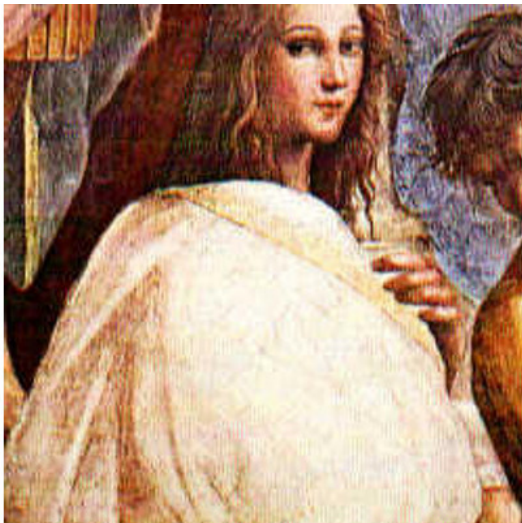
– Я сам по себе и ни к кому не примыкал.

Вдруг я понял: то, что мне казалось слабостью, на самом деле сила. Меня уже никто не держит, я могу свободно двигаться. Так зачем же я участвую в этом нелепейшем процессе, настолько лишённом живого содержания, что его участники даже положенную форму воспроизвести не удосуживаются. Нужно уходить, пока это недоразумение не обернулось приговором, вынесенным, к тому же, непонятно по какому праву.

Я молча повернулся и пошёл к двери. Толпа расступилась, впереди замаячил прямоугольник света. Покидая деревню, я снова посмотрел на гору и лишь немного возвышавшуюся над её поверхностью руину. Я отметил, что уже и не помню точные очертания поверженного исполина, детали его архитектурного облика, его образ выветрился из моей памяти.

ти. Но я не стал грустить из-за этого, ведь образовавшееся пространство начало наполняться образами какого-то нового, внезапно обретённого меня. Кому нужны дающие иллюзию защиты стены, тот отстроит их в себе заново. А мне сейчас необходим веющий с вершины ветер и солнце, непойманное в силки неприступными башнями. Я даже чувствовал некоторое злорадство, ведь отдельность, на которую меня обрекли недоверчивые жители в своё время, теперь вернулась к ним навязанной каждому всеобщей бессвязностью. Странная деревня, распадающийся на осколки мир. Он похож на тело без органов, поверхность, лишённую глубины, где слова потеряли связь с вещами, мысль не удостоверена печатью безусловной истинности, а человек приговорён быть наедине с собой в уныло длящейся посюсторонности.

ГИПАТИЯ

Ничего особенного, просто закончилась эпоха, а на границе тектонических плит всегда трясёт. В чреве прошлого сидит голодное дитя, у которого пока нет другой еды, кроме плоти матери. Ничего особенного, просто люди устали от множественности областей знания, этик, метафизик, богов... Явился Единый, собирающий отдельные хворостины в метлу, и нужно помочь ему вымести копившийся веками, замедляющий бег времени хлам. Ничего особенного, про-

сто ты женщина, решившая учить мужчин мудрости, прочитавшая, кажется, все остатки давно сгоревшей библиотеки, почитающая учёного отца, но равнодушная к толпе, упорствующей в незнании, но точно знающей своё место. Ничего особенного, просто ты не чужда политике, близко сошлась с местным префектом, ведёшь с ним беседы, стремишься на него влиять. И почему мудрецы так часто борются за души владык, стоя в очереди с теми, кто вечно будет косить глаза...

Ничего особенного, несмотря на это, могло и не случиться, но нашлись те, кто уже шагнул в новую эпоху, ревнители завтрашнего, такого неизбежного дня. Прозванные парабаланами, блуждающие в городских местах, полных малыми сими, теми «последними», коих не чурался и новый Бог, тоже умаливший себя до куска плоти и освятивший этим глубокие низины тварного мира. Твой же учитель Плотин считал плоть тяжким бременем, а материю – покрывалом тьмы, из-под которого нужно выплыть к свету, сияющему за пределами недвижимого мира, даже за пределами планисферы, усеянной далёкими беспокойными звёздами. И нет ничего удивительного, что вам пришлось уйти, а этим новым – остаться и царить на земле, держа небо в уме. Вам тоже была знакома мысль о Едином, но это не то Единое, которое можно попросить о помощи в трудную минуту, когда нет заступников, включая твоего друга префекта.

Твоя самая трудная минута наступила, когда ты, словно

царственная особа, возвращалась домой на носилках, а тебя уже ждали те, кто так любил омыwać ноги чумных. Интересно, когда они возле какой-то церкви разорвали тебя на части, что стало с твоими ногами? Что стало с глазами, которыми ты ласкала остатки давно сгоревшей библиотеки? Говорят, что был и костёр, в который тебя бросили, словно копившийся веками, замедляющий бег времени хлам. Говорят ещё, что твой конкурент за душу префекта, епископ, узнав о подарке парабаланов, от него открестился. Так что твоя смерть никому не принесла пользы. Какая-то случайность, ничего особенного, такое уж было время. Просто на границе тектонических плит обычно трясёт.

Но купол планисферы движется по кругу и звёзды снова заняли покинутые места: новые маги в мантиях учёных заступили на твоё место, содрав пелену священности с материи и вторгшись в её пределы, чтобы при помощи разума преобразить то, что многие и без того считают совершенным. И, конечно же, побороться за души владык, стоя в очереди с теми, кто вечно будет косить глаза...

Но снова люди устают от множественности областей знания, этик, метафизик, богов... И снова собирают отдельные хворостины в метлу, чтобы мести, чистить и жечь. Ничего особенного, совершенно ничего особенного, просто в чреве настоящего поселилось голодное дитя, у которого пока нет другой еды, кроме плоти матери.

СОДОМ

Сегодня представление удалось: Костолом превзошёл сам себя. Видно, что он дерётся не ради денег – эта ненависть неподдельна, вот она, в сиянии безумных глаз, в звероподобном рыке, в силе рук, обрушивающих каменный молот на голову сопернику. Голова оказалась не крепче яйца, и зрителей окропило кровью. Всеобщее неистовство; женщины, кажется, готовы отдатья Костолому прямо на арене, они любят победителей.

Дальше на моём пути базарная площадь. Крепко держу монеты, ведь воров больше, чем покупателей. Иду к любимой торговке, завожу неспешную беседу, глажу бугристую

поверхность гранатов, сжимаю пальцами морщинистые финики, осязаю упругость призывно выставленной загорелой груди. У каждой торговки главный товар – она сама. Эта – моя любимая, но план сторговаться на вечер отвергнут: люди вокруг говорят, что надо идти к дому Лота, там что-то интересное. Пойду за ними, любопытство порою сильнее похоти.

Чем же этот странный человек привлёк содомитян? Он – не один из нас, пришелец, так и не ставший своим. Каждый день ходит за ворота, пасёт стадо, и среди овец ему лучше, чем среди нас. И Бог у него свой, наших и всех окрестных отверг, и не простили бы ему такого презрения, если бы сами их не презирали. Но они добры: за жертвы позволяют нам жить согласно обычаям и привычкам. Отверг Лот и привычки, не желает есть с нашего стола, иной пищей питается. Что за пища – не знаю, но, может, и питательна, если едим мы чрезмерно, а из-за стола всё равно голодные встаём. Вышел однажды спор. Спросил у него жрец Баала: «Вот ты наши дела определил как злые. А как выходит так, что Бог твой – средоточие блага, а на земле царствует зло? Бог твой, выходит, слаб или безразличен ко злу».

Лот тогда смутился, будто это ему ставят в вину дурное, а я говорю: «Не тому удивляться надо, что есть зло на земле, а тому, что есть добро. Ведь то, что для Лота злое – радость нам и утешение, и способ поправки дел, и источник благополучия. А от добра его какая польза, какое удовольствие? Нет ничего, а ведь следует ему Лот, выбрал себе и следует, как

мы следуем своему злу и радость с этого имеем. Как не подивиться лотову выбору?» Но сейчас дом Лота заперт накрепко, окна заставлены, чтобы люди не забрались внутрь. Говорят, странники пришли из неведомых земель, и так хороши, что среди народа разлилось возбуждение. Ни язв, ни струпов, и даже зубы, говорят, целые. Красивые лица, а главное – новые, как предвкушение новых радостей. Но путники внутри, а мы снаружи.

Люди кричат и кидают камни, требуют выдать им чужеземцев. Одни усердствуют, а другие стоят чуть поодаль и ждут итог. И вот выходит Лот и предлагает вместо гостей взять его невинных дочерей, что ждут скорого замужества. Вот так благодетель! Горе семье иметь во главе такого праведника – дочерей, которых долго берёг, готов променять на спокойствие каких-то бродяг! И тут появился один из них на пороге, а другие выглядывают из-за спины. Вот момент, нельзя упустить! Самые ярые ринулись вперёд, машут руками, сжимают пальцы, чтобы за тунику ухватить. А пришелец – проворный, взял Лота за плечи, внутрь уволок и дверь захлопнул.

Смотрю из-за спин, а люди продолжают напирать, шарят в воздухе руками, стены гладят, будто дверь ищут. Но улова у пальцев нет, только кулаки бесцельно сжимаются... И тут видим мы – те, кто находился сзади – что глаза у впереди стоящих ужасные стали – белые и пустые, словно молоко в глазницы залито. «Ослепли!» – поднялся крик, воцарилась су-

мятица, многие в страхе бежали. А кто уже не видит, куда бежать, падают, катаются в пыли, совсем в стадо безмысленное превратились. Непростое тут дело, лучше мне подальше отойти, а то и затоптать могут.

И вдруг путники вышли из дома, а с ними Лот с женою и дочерьми. Ступают осторожно, чтобы лежащих не задавить, а оставшиеся расступаются, боясь испить из чаши сей. Пойду за ними, любопытство подчас сильнее страха. Неужто решили покинуть Содом? Так и есть: вышли за ворота и к горам направились, в сторону Сигора. Оно, может, и верно, не один он из нас, пришелец, вот и пусть уходит с другими пришлецами. А мне пора домой, есть ещё дела, об остатке вечера надо позаботиться, чтобы не впустую прошёл. Да и туча ползёт со стороны моря, небо грозит молниями. По всему видно, дождя не миновать.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

I

Как сказал один наш поэт, «зачем нам двадцатый век, если есть уже девятнадцатый век». Можно было бы и про двадцать первый то же самое спросить, да только нет у нас уже девятнадцатого века. Был, да весь вышел, «слинял в два дня. Самое большее – в три». Потом и двадцатый так же слинял. А те, кто позволил ему слиняться, уходят друг за дружкой, оставляя нас один на один с взрощенным ими Левиафаном, что бредёт, не зная дороги, попутно обретая новую кожу.

И мы бредём куда-то вместе с ним, с каждым днём уда-

ляясь от твоей эпохи, тёзка Батюшков. Узнал бы ты ныне свою Россию? Вы – дворяне из родовитых, состоятельных семей, высшее общество с блестящим, словно серебряная ложка, будущим. Вы – слуги царя, но в ваших слугах – весь народ, и на фундаменте из черни бессловесной взошёл дворец высокой словесности, белый, будто из слоновой кости. Ты строил этот дворец, и спасибо тебе за это: в его тени – мой прохладный офис.

Но мы – чернь, и сами чей-то фундамент. Будущее известно в лучшем случае до конца недели, гарантированы обязанности, но не права, а главная доблесть – дороже себя продать. Нас теперь называют людским ресурсом, причём самым ценным для экономики, так-то, Константин Николаевич. Оберни слово в монету, говорит нам время, всё оберни в монету, а что не оборачивается – оставь. Пустое. Не золото, а сущая безделица. Не все спешат этому верить, ведь всё может оказаться ровно наоборот. Золотой век позади, и даже серебряный; наступил век блестящих подделок. Увы, дорогой Батюшков, увы...

II

Усадьба утонула в лунном блеске, смолкли суетливые голоса дворни, и мечта сорвалась с хрупкой привязи рассудка – господина полудня. Хотя всё более расшатывается его трон, всё невесомее его оковы, и открываются ворота для живых образов, которым закрытые глаза – покровители луч-

шие, чем огонёк лампы и тем паче солнечный свет.

Он приходит ко мне – солнечный свет, но не тот, что у нас – тусклый даже летом, словно пробивается сквозь недоплавленную коросту весенних туманов, а живой и горячий, весёлый, как пламень. Такой бывает лишь в южных краях, на берегах тёплых морей. Италия, земля титанов, пережившая извержение творческого гения и снова впадающая в сон после пробуждения и нескольких веков напряжённого бодрствования. О, эти города щедрой, даже избыточной культуры, которой хватило одарить всю Европу и даже нашу Россию. Меня греет твоё сияние, Италия эпохи Ринасцименто, страна высокого духа и невыносимо совершенных форм. Мне близок поздний гений твоего несчастного сына Торквата, коего ты, несмотря ни на что, смогла оценить, хоть и заковала в цепи. Заковала тело, но не его буйный дух, а это главное.

Как сроднился я с ним, пока работал над переводами; его несчастья так похожи на мои, его голос отзывался во мне эхом, а затем выбрался на волю из теснин души... Я соединил побуждающую силу тассова стиха с русской лирической удалью, и прозвучал «Иерусалим» над нашей холодной равниной чудной сказочной песнью. Ты оживаешь в далёкой и чужой стране, милый Торкват, и зажигаешь в нашем небе подлинный свет золотого века красоты. Так будет, даже если моя стылая душа сгинет в мерзлоте вечного безмолвия...

III

О, презренные, недостойные... Кому я принёс слово в защиту доблести и чести, кого призвал к новым подвигам? Крысы знают лишь казематы, заперли в них свои души и жаждут запереть чужие. И особенно ненавистны им те, кто поставил перед ними зеркало, изобличив крысиные морды под пышностью львиных одежд. Может, за то меня и преследуют, что напомнил им о славных подвигах предков, презревших тупость однообразной повседневности и ограниченность своего мирка, и весёлой волной покатавшихся на восток, к источнику святости. Не было страха у этих железных людей, когда смотрели они на мощную стену иноверной твердыни. С одной стороны – бесприютный океан, с другой – немилосердная пустыня, а на границе – свирепые полчища магометанские. Но Иерусалим был освобождён, и христианское королевство заалело крестами на изгаженной дикими маврами земле.

А вы, жалкие ценители поэзии и живописи, изнеженные завсегдатаи балов и театров, развращённые сибариты и эпикурейцы, заменившие рыцарские турниры нелепым маскарадом, а военные вылазки с бравой дружиной – оргиями с дорогими шлюхами. Ни веры у вас, ни чести, ни отваги, а я, кто напомнил вам о них – сумасшедший и достоин каземата и цепи.

Ах, милый Балдуин, несчастный больной юноша, ты тоже надевал маску, но не для никчёмной венецианской сатур-

налии... Проказа поедала тебя изнутри и снаружи, твоё рыцарское королевство грызли мавританские черви, откусывая вместе с землёй и куски твоего сердца, но ты выстоял и дал им отпор, ты держался до конца, умерев с крестом на спине и мечом в руке. Ты – Солнце нашей истории, красившее золотом чернеющий мир. Ныне же – закат и тьма, и золотой век позади, век доблести и геройства. Но я расскажу о тебе миру, как рассказал о твоих предшественниках Готфриде, Танкредe и Ринальдо, расскажу миру, память которого короче, чем твоё славное правление. И оживёшь ты среди нас, и напитаешь трусливые сердца отвагой и стойкостью. Если хватит сил, если мне только хватит сил, ты будешь жить среди нас и говорить с народами моими словами, даже когда сам я сгину в глубине прекрасной и несчастной италийской земли.

IV

Что за странная, причудливая судьба... Родился на земле Господа нашего, и не простолюдином, а королём великого города Иерусалима, но ни один из смертных мне не позавидует и не восхитится моей участью, пожелав разделить её со мной. Воистину справедлив Господь – великое благословение уравновесил страшным проклятием, дал мало лет, но столь многое позволил успеть. Саладин отброшен, и на какое-то время Иерусалим снова станет городом мира. Преемник определён, и маленький Балдуин уже готовится стать Пятым. Вот и всё, пора в путь... Но сколькими слав-

ными делами я мог бы прославить себя и моё королевство, сколько подвигов во славу Господню совершить!

Ведь так далеко мы ещё от идеала святости, так много у нас родовых пороков, принесённых рыцарями из далёкой Европы: усобицы, распри, угнетение слабых, неблагочестие... Хотели иначе, и славный Готфрид Бульонский отказался надевать корону, ибо Иисус, подлинный царь этой земли, носил лишь терновый венец, но овладел царствами обширными. А вот последователь Готфрида, первый из Балдуинов, украсил голову золотом и этим решил судьбу королевства. Хоть и сто лет с тех пор прошло, а может, ещё столько же пройдёт, но если на вершине золото, как на моей главе по сию пору, то нет в таком королевстве божественной правды – не есть оно царство божие на земле, не есть обретённый рай. Потому и падёт. А истинный золотой век – век святости, явленный нам однажды, не повторится.

V

Вот спрашивают меня, почему пошёл я по этой многотрудной и чреватой стезе. Потому что живём мы во времена беззакония и нечистоты. Законы презираются, вера слабеет, земля попирается захватчиками, чужие идолы пытаются взять власть, люди растеряны и напуганы. Кажется им, что великие золотые века Иерусалима позади, а будущее сулит лишь гибель и тлен. Но во всякие времена люди думали так же, потому и приходили к ним пророки, и восходили

на трон благочестивые помазанники, чтобы отвернуть людей от греховного уныния, напомнить о законах, о вере и страхе Господнем. Без их усилий не было бы и того будущего, что есть сейчас. Вот и я пришёл исполнить древние установления, а не нарушить, как говорят глупцы, глядящие в прошлое слепыми глазами. Ведь всё и так нарушено.

Есть у нас иные, что ушли в пещеры и там хотят создать маленькое царство Божье, и учат книги наизусть, и закопались в полустёртых буквах, как в песках ширящихся пустынь. Заметёт песок и письма их, и их самих. Потому что идти нужно к людям, а не бежать от них в подземелья. Так что идёмте, Иерусалим ждёт, и ослик уже постукивает копытцем. Ведь если и начнётся когда-нибудь на земле золотой век, то только с нас.

СПИРАЛЬ

1. Когда над Элитариумом завис огромный корабль, нас всех охватило необычайное волнение. То, о чём ещё недавно мечтали земляне, с надеждой вглядываясь в небо, выпало на долю нашего поколения. Что это, случайность или оказанная нам честь? Может, только сейчас, с нашим нынешним уровнем технического и социального прогресса, мы ста-

ли интересны жителям иных миров? И уж теперь, когда их существование бесспорно, с новой силой разгорелись споры о том, первый ли это визит либо мы уже обязаны пришельцам какими-то вехами нашего исторического пути.

Но я не спекулирую на этой теме, я жду возможности расспросить инопланетян лично, не без основания полагая, что удостоюсь этой чести как, возможно, лучший дипломат Элитариума. К чему скромность? Именно мне и моим способностям переговорщика обязан полис быстрым усмирением повстанцев в последней войне. Кто знает, сколько бы мы давили этих крыс военными методами, истощая бюджет понапрасну. А так – одна доверительная беседа, и капитуляция.

А какого мужества мне стоило предстать перед этими дикарями, уже почти потерявшими человеческий облик! С какой тонкостью я подбирал слова увещевания! Встретился бы кто-нибудь из руководства с их звероподобным предводителем, по старинке обвешанным пулемётными лентами, которые им даже вставить не во что... А я смело смотрел ему в глаза и говорил без дрожи, ведь мою решимость подкрепляло убеждение, что историческая правда на моей стороне, и я лучше, чем они, а потому будущее принадлежит мне.

И теперь, когда иная, вероятно, более развитая цивилизация нанесла нам дипломатический визит, нам, а не им, наше положение будет окончательно закреплено. И мне, именно мне, возможно, предстоит сыграть первую партию, став контактёром.

И я не ошибся: когда от корабля отделился шаттл и сел на центральной площади Элитариума, меня вызвали на службу. Конечно, я дал согласие. Что меня ждёт там, за сияющей непроницаемой дверью?»

2. – Воины! Друзья! Вы, полевые командиры отрядов сопротивления, должны услышать это первыми и донести остальным. Ибо волнение пошло в народе, слухи и домыслы гуляют один нелепее другого. Недавно мы послали в Элитариум разведчиков. Нужно было узнать, с чем связаны такие изменения. Беспилотники-контролёры и аэропрореживатели больше не летают над нами, нет ни профилактических бомб, ни ракет. Наш скот больше не мрёт, листья на деревьях не чернеют, и даже вода стала такой, какой и должна быть. Неужели нас наконец-то оставили в покое, подумали мы. Так вот, разведчики спокойно зашли в полис – защитной энерго-стены больше нет и Элитариум никто не охраняет. Он пуст.

Видно, это как-то связано с летающей тарелкой, которая как раз незадолго до этого улетела. Но никаких трупов наши люди не нашли, пришельцы, похоже, просто забрали элитариев с собой. Думаю, они удостоились чести отправиться на другую планету, более развитую и достойную их, а нам оставили Землю. Что ж, будем жить на ней свободно, как и заслуживаем. А в первую очередь обучимся знаниям и устройствам, что остались нетронутыми. Уж мы-то должны создать с их помощью более справедливое общество, где

все будут равны!

3. «Работа двигателей стабилизировалась, корабль вышел на заданную скорость, и у меня наконец-то появилось время записать свои размышления по итогам визита на планету, за судьбой которой я следил всю жизнь. Какое пристальное внимание к ней было приковано в своё время! Ещё бы, первый эксперимент по экспорту представителей нашей расы в иной мир. Пусть во многом похожий, но всё же иной. Как они быстро освоились и заняли доминирующее положение! О том, что до них здесь была другая раса, не осталось почти никаких следов. Впечатляюще, особенно с учётом того, насколько она была совершеннее нашей. Поистине, пресечь конкуренцию в зародыше было прекрасной идеей!

Но нынешнее положение на Земле отвратительно, оно полностью противоречит нашим принципам социального устройства. И это говорит о том, что рассуждения наших мыслителей о генетически присущих людям гуманности, справедливости и тяге к равенству – фикция и антинаучный самообман. Всё благородное в нас – результат сознательного выбора, изнурительной борьбы за победу гуманистических идей, а затем постоянной, кропотливой работы над собой. И очень опасно, что благодущие заставляет нас постепенно забывать об этом. Спасибо землянам, они преподнесли ценный урок, который нам ещё предстоит осмыслить.

И ведь на Земле люди долгие века шли по нашему пути,

и затем сбились с него. Наши идеи здесь тоже стали казаться чем-то естественным, и даже когда они рушились под напором чуждых идеологий, никто не замечал грозящей им опасности. В итоге гуманизм проиграл. Не придёт ли однажды и у нас ему на смену вот это – страшное общество фундаментального раскола на лучших и худших, на первых и последних? Причём даже не ясно, на каком сновании одни возомнили себя вправе держать других в дикости и повиновении, на основе чего лишили абсолютное большинство землян человеческого достоинства. Они их не сделали рабами – уровень развития технологий сделал рабов излишними, они просто решили, что одни – лучшие, а другие – худшие, и всё.

Что-то пошло не так, и нам необходимо сделать из этого выводы. И, конечно, нужно понаблюдать, смогут ли земляне использовать свои вторые шансы. Угнетаемые – освоить высокие технологии и создать новое общество, не скатившись снова в гибельное противостояние. А элитарии – освоиться на недавно открытой планете и вытеснить в историческое небытие её ужасных автохтонов. Год в тёмных и жарких камерах, где элитарии сейчас дрожат от страха и недоумения, должен выбить из них спесь. Когда-то у их предков, самого отъявленного сброда нашей планеты, на новой родине получилось превратиться из последних в первые, может, получится и у этих? А мы снова будем наблюдать, как история выходит на новый виток своей малопредсказуемой спирали.

4. – В общем, главное в разговоре то, что наше заключение скоро кончится. Мы подлетаем к какой-то планете, где они нас и высадят. Там обитают разумные, но жестокие твари, которые к тому же быстро развиваются, и нам нужно будет их усмирить и затем вытеснить. Но для начала – просто выжить, если получится. Впрочем, всяко лучше, чем гнить в этом затхлом трюме...

А в остальном – высокопарные рассуждения. Насколько я понял, на своей планете они построили что-то вроде коммунизма, типа того, о котором грезили и у нас, но выкинули на свалку ещё в позапрошлом веке. Свобода, равенство и братство – вот это всё. И надо, мол, нам на новой планете к этому же стремиться, к справедливости и гуманизму. Слышал бы он себя со стороны! Сначала, значит, прикинуться кроткими и послушными, чтобы уничтожить всех, кто там живёт, а затем на таком фундаменте строить гуманное и справедливое общество. Я на это только кивал головой, не стал возражать капитану, но сам думал, почему же аборигены планеты гуманного отношения не заслуживают? Потому что не люди? Может, их можно просто цивилизовать, не уничтожая? А то хотят, чтобы наше пребывание там началось с преступления, за подобное которому они нас на всё это и обрекли, а потом – вперёд, к гуманности и справедливости! Чтоб, мол, виток спирали, а не порочный круг! Не знаю, не знаю... Есть какая-то во всём этом роковая ошибка, но пусть с нею наши потомки разбираются, если

они у нас будут. А нам бы выжить, просто выжить под новым Солнцем, или что там у них вместо него...

ХАОСМОС

Буква – одна из точек соединения духа и материи. Плоть, составляющая букву, ничтожна, почти невесома, но дух раз за разом избирает её для своего материального воплощения. Буква для него – словно зеркало, ведь где бы ещё дух узрел себя, если не в откровенном слове, составленном из букв? Буква – орудие логоса.

Букв мало, сами по себе они просты и в отрыве от порождаемых ими смыслов кажутся какими-то нелепыми крючками. Но как бесконечно велика их способность смыслопорождения! Я дотрагиваюсь до свинцовых литер и ощущаю под мягкостью ладони пульс вселенной, лишь ничтожная часть ко-

торой дана нам в наблюдаемых астрономических явлениях и в уже написанных книгах. Я смотрю в окно и вижу ночное небо, чёрное сукно в бледную крапинку, ставшее строгим и величественным космосом, когда разум даровал порядок дышащему из вселенских бездн хаосу. Без букв и других символов это невозможно.

Поэтому я глажу свои литеры, сидя в одиночестве в принадлежащей мне маленькой типографии. Скоро появится новая книга, буквы уже легли рядом друг с другом в согласии с замыслом автора. Ошибки быть не может. И скоро поднимется ещё одна завеса, ещё одна область тьмы озарится светом человеческого разума и в грандиозной картине мира проступит ещё один фрагмент. Пустого пространства всё меньше, краски всё чётче, картина всё прекрасней. И я помогаю этому, властвуя над буквами и символами.

Минута отдыха позади, я отрываюсь от размышлений, пью ещё немного вина, чтобы успокоить нервы и унять охватившее меня возбуждение. Как же они прекрасны, мои литеры, бугристые, пачкающиеся, с обратной стороны так похожие на какой-то тайный язык забытого божества. Я поднимаю их и бережно несу к печатному станку, и хотя путь близок, что-то попадает мне под ноги в этом типографском беспорядке, а может, это вино и возраст сделали мои опоры нетвёрдыми, но я падаю. Очень скоро последняя свинцовая буква прекращает дикую скачку по полу и занимает на пыльной равнине своё место, далёкое от причитающегося ей до-

стоинства.

Я лежу и не могу открыть глаза. Может, я заснул или умер? Но я слышу, слышу, как пошёл дождь. Затем в задёрнутое окно что-то застучало. Наверное, вода снова смешалась с твердью и обрела тяжесть. Она проникает в дом, капает с потолка, разрастается блёклыми фресками на стенах. Воздух густеет, и уже трудно дышать, он так горяч, словно позабыл границу между собой и огнём. Вокруг бушует ветер, гром и молнии ополчились на меня, не стесняясь своей ярости. Высоко над головой планеты сошли с орбит и закружились в лихорадочной пляске. Созвездия потеряли очертания, Луна отвернулась от меня, показав спину.

В тишину плотным строем вошли звуки. Комната наполнилась голосами неведомых людей и животных, слова неотличимы от дикого рёва, звуки толпятся и напирают друг на друга, не заботясь о том, чтобы стать понятными. Недостроенная башня разразилась камнепадом, деревянное судно разбилось о вершину горы. На соседней вершине огромный крест пустил корни и зазеленел. Птицы вырыли норы, гробы отрастили крылья. На мне зазеленели пастбища, по мне прошли стада. Где-то началась война, и спорящих стало меньше. Где-то заплакал ребёнок, и орудия стали стрелять тише. Кто-то устремился в бездну, и бездна благодарно приняла его в себя. Кто-то устремился ввысь, но высота недоверчиво испытала его силой тяжести. Кто-то посадил розы, но вырос репей, кто-то посадил репей, но вырос лавр.

Кто-то сел играть со мной в шахматы, то тщательно расставляя фигуры, то разбрасывая их в неистовстве. Кто-то стал говорить яснее других, но ему отрезали язык. Где-то дули в бараний рог, звенели в колокольчики, тянули унылую и протяжную песню, но стада по-прежнему толкались и напирали друг на друга, орудия стреляли, а ребёнок плакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.